

«Без галстука» № 76 с Набилем Фахми

ОТ РЕДАКЦИИ: ПИР-Центр продолжает серию «Без галстука» — цикл неформальных интервью с нашими коллегами, друзьями и партнёрами, внесшими значительный вклад в развитие международных отношений и глобальной безопасности.

Сегодня мы побеседовали с Набилем **Фахми**, Министром иностранных дел Египта (2013–2014), выдающимся дипломатом, имеющим многолетний опыт работы на международной арене, и деканом Школы международных отношений и публичной политики Американского университета в Каире. Набиль Фахми также является членом Экспертного совета ПИР-Центра, членом Редакционной коллегии ежегодника *Security Index Yearbook* и давним другом ПИР-Центра.

В беседе он поделился своими взглядами на вызовы, с которыми сталкиваются руководители внешнеполитических ведомств, рассказал о принятии ключевых решений в сложных геополитических условиях, о переходе от государственной службы к академической деятельности, а также о жизни в различных странах и адаптации к новым культурам. Кроме того, Набиль Фахми дал ценные советы молодым специалистам, стремящимся сделать карьеру в сфере дипломатии и международных отношений.

Интервью провёл Святослав **Аров**, научный сотрудник ПИР-Центра.

«Мой отец всегда говорил нам: “Живи своей жизнью, получая от нее максимум”»

О своем детстве

Я родился в Нью-Йорке. Мой отец был дипломатом [**прим. ред.** – Исмаил Фахми, отец Набиля, был известным дипломатом и политиком. Он занимал пост Министра иностранных дел Египта с 1973 г. по 1977 г.], и наша семья всегда была вместе с ним. Мы дважды переезжали в Нью-Йорк и Вену, а между этими командировками проживали в Каире. Таким образом, я рос в американской, австрийской и египетской среде одновременно.

Но у меня была совершенно обычная жизнь, как и у любого другого ребенка: я ходил в школу, гулял и играл с друзьями, посещал театры и цирк.

Несмотря на мультикультурную среду, в которой я вырос, Египет всегда оставался моим домом и местом, откуда начинаются мои корни. Несмотря на то, что меня окружали иностранцы и большую часть своего детства я провел за границей, я всегда чувствовал себя египтянином. Я также приобрел навыки хорошего слушателя: старался понимать окружающих, быть терпимым и открытым к различным точкам зрения и культурам, что помогло мне в будущем и послужило основой хороших взаимоотношений с иностранными коллегами.

Двуязычная среда

Во всех школах мое обучение было на английском языке. В начальную школу я пошел в США, а когда вернулся в Египет, то продолжил учиться на английском. Лишь три предмета велись на арабском: язык, история и религия. Затем я переехал в Австрию, и там также

обучался на английском. Окончив школу и вернувшись в Египет, я говорил на ломанном арабском с американским акцентом. Сначала я поступил в университет в Каире, где занятия велись на арабском, но чувствовал себя некомфортно. В конечном счете я ушел оттуда и поступил в Американский университет в Каире, чтобы учиться на английском.

Набиль Фахми (второй справа в верхнем ряду, #3) в качестве игрока сборной по гандболу Американского университета в Каире, 1973

Мой отец всегда говорил нам: «Живи своей жизнью, получая от нее максимум»

Мой отец был трудоголиком, но он никогда не обременял нас своей работой. Дома чаще всего мы обсуждали международные отношения или спорт. Я всегда был любопытным и не мог определиться, чем хочу заниматься в будущем. Отец часто говорил мне: «Живи своей жизнью, получая от максимум». Другими словами, не пытайся подражать кому-то другому, потому что у всех из нас разные возможности, условия и среда.

Отец являлся чрезвычайно обаятельным человеком, который всегда находился в центре внимания. Если бы вы вошли в комнату, вы бы обязательно заметили его, даже если бы он молчал – мой папа всегда был приметным. Но он никогда не навязывался и не пытался доминировать – ни в спорах в семье, ни в дискуссиях где-то еще.

Обычная жизнь Набиля Фахми в юношестве

В наш дом часто заходили видные политики или дипломаты, но это не было чем-то особенным.

Я видел Курта Вальдхайма [**прим. ред.** – Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций с 1972 г. по 1981 г.], когда мы жили в Австрии, а также Бруно Крайского [**прим. ред.** – канцлер Австрии с 1970 по 1983 год], Андрея Громыко [**прим. ред.** – Министр иностранных дел СССР с 1957 г. по 1985 г.], Джимми Картера [**прим. ред.** – 39-й Президент США, с 1977 г. по 1981 г.], Генри Киссинджера [**прим. ред.** – Государственный секретарь США с 1973 г. по 1977 г.] и многих других выдающихся личностей.

Поскольку присутствие таких высокопоставленных лиц было чем-то обыденным для меня, я никогда не был слишком впечатлен их властью или положением. Вероятно, именно поэтому я никогда не мечтал стать Министром иностранных дел.

Я не хотел заниматься международными отношениями

Я получил степень бакалавра физико-математических наук в Американском университете в Каире. Никто не знает, как так вышло [прим. ред. – что Набиль Фахми выбрал техническую специальность], и, на самом деле, я тоже. Изначально я изучал инженерное дело, но бросил его и поступил на факультет физики. Когда я сказал родителям, что хотел бы изучать физику и математику, мой отец спросил меня:

- Чем ты собираешься заниматься в жизни?

Я ответил:

- Пока не знаю. Я просто хочу получить высшее образование.

Я хорошо разбирался в физике и думал, что пока буду заниматься ей, а потом решу, чем хочу заниматься в будущем. Отдельно подчеркну, что я не планировал работать на госслужбе.

Мой старший брат хотел стать дипломатом, как и мой отец, но у него не вышло. А я хотел пойти в частный сектор или бизнес. В университете я получал стипендию за научные достижения, но за год до окончания университета мой научный руководитель вызвал меня к себе и у нас состоялся следующий разговор:

- Набиль, тебе нужно сменить специальность.
- Что вы имеете в виду? Мне остался год до выпуска.
- Физика и математика даются тебе слишком легко. Ты преуспеваешь не потому, что тебе это интересно, а потому, что у тебя получается. Ты решаешь сложные уравнения, но ты не собираешься заниматься математическими или физическими науками в будущем.

В любом случае, я не послушал его – мне хотелось завершить обучение в университете. Но в конечном счете он был прав. После окончания бакалавриата меня призвали в армию. Затем я окончил магистратуру по менеджменту, и с момента окончания колледжа не открыл ни одной книги по физике. Несмотря на то, что я больше никогда не изучал физику, она мне помогла. Позднее, как дипломат, я специализировался на разоружении, системах вооружений и региональной безопасности.

Начало дипломатической карьеры. Набиль Фахми (справа) со своим другом. Женева, 1976

Физика была очень полезна, потому что помогала мне видеть и понимать вещи, которых я на самом деле не знал глубоко. Таким образом, изучение физики было не столько бесполезной тратой времени, сколько не лучшим вариантом его использования.

О давлении, создаваемом статусом отца

Я не могу сказать, что чувствовал давление из-за статуса моего отца. Во-первых, мой отец предупреждал меня об этом. Он говорил: «Независимо от того, каких успехов ты

добьешься, никто не станет приписывать их тебе. Люди будут считать, что ты достиг этого благодаря отцу. Твои успехи будут признаны только через десять-пятнадцать лет, когда ты будешь работать в десять раз больше, чем любой твой коллега».

Мой отец искренне и решительно говорил всем троим своим детям – еще до того, как я поступил на работу в Министерство иностранных дел – «Не пытайтесь подражать мне. Делайте максимум из того, что вы можете сделать». Я не чувствовал давления с его стороны, и мне никогда не приходилось доказывать свою правоту. Так нас воспитали.

Когда я начинал свою карьеру в Министерстве иностранных дел, мой отец вел себя со мной как профессиональный дипломат. Я никогда не отчитывался перед ним, но также с его стороны не было ни лести, ни похвал. Другими словами, я был таким же, как и все остальные молодые дипломаты, выполняющие рутинную работу. Так что все было в порядке.

Окружающие всегда ожидали от меня многого, и именно это создавало напряжение. Позже давление ослабло, хотя правильнее сказать, что оно просто стало другим. Через полтора года после того, как я пришел в Министерство иностранных дел, мой отец подал в отставку по политическим причинам [**прим. ред.** – Исмаил Фахми в 1977 г. в знак протеста против визита Анвара Садата в Иерусалим покинул МИД Египта]. Таким образом, встал вопрос: будет ли МИД относиться ко мне негативно?

«Я приобрел больше, чем потерял, от того, что мой отец был Министром иностранных дел»

Оглядываясь назад, я действительно не чувствую, что у меня были какие-то серьезные проблемы с давлением. И я бы сказал, что во многом я приобрел больше, чем потерял, от того, что мой отец был Министром иностранных дел.

Позвольте мне рассказать вам короткую историю. Тогда была моя первая поездка в Женеву на Конференцию по разоружению. Глава советской делегации был высокопоставленным послом, в то время как американский представитель находился в составе делегации США на Нюрнбергском процессе. Короче говоря, они были очень статусными дипломатами.

На первом заседании Конференции по поручению правительства Египта меня попросили обратиться с просьбой – включить арабский язык в качестве иностранного в состав комитета, что привело к спору с этими послами. Было довольно забавно: мне всего 22 года, а они – семидесятилетние *звезды* времен разгара Холодной войны. Оба спорили со мной, и весь комитет наблюдал за этим зрелищем.

Мы отложили наши дискуссии до следующего заседания. И как только мы закончили, они оба по отдельности подошли ко мне и спросили: «Вы сын Исмаила Фахми?». Они раньше работали с моим отцом и сказали мне, что мое поведение и привычки были очень похожими на него. Они увидели молодую версию моего отца.

В целом, я извлек большую пользу из статуса моего отца. Его положение дало мне признание, которое помогало, когда я вкладывался и старался должным образом. Но оно также не открыло мне каких-то секретных дверей.

Контроль над вооружениями и разоружение в жизни Набиля Фахми

Я посвятил значительную часть своей жизни вопросам разоружения. Моя дипломатическая карьера началась в 1976 году. Два года ранее Египет выступил с инициативой о создании Зоны, свободной от ядерного и других видов оружия массового уничтожения на

Ближнем Востоке. Немного ранее, в 1968 году, был подписан Договор о нераспространении ядерного оружия.

Я всегда следил за сферой контроля над вооружениями, даже в молодости, до окончания университета. Когда я поступил на работу в Министерство иностранных дел, у меня была большая мотивация продолжать работать в этой области. При направлении в Женеву я попросил дать мне работу, связанную с вопросами контроля над вооружениями, и Посол согласился.

Как представитель *средней державы*, обеспечение национальной безопасности для меня является вопросом паритета – паритета обязательств, а не систем вооружений. Я реалист: либо Египет должен потратить много денег на вооружение, либо ему придется потратить время, пытаясь убедить своих соседей, друзей и противников договориться о правилах, при которых они не будут постоянно пытаться уничтожить друг друга и тратить ресурсы впустую. Такова логика контроля над вооружениями для такой страны, как Египет.

Работа на высшем уровне в Министерстве иностранных дел Египта

С 1990 г. по 1997 г. я работал советником Министра иностранных дел по политическим вопросам. Я занимался самыми насущными или злободневными темами: все, что было новым или проблематичным до того, как передавалось Министру, проходило через мой кабинет.

Это был потрясающий опыт, но также я чувствовал огромное давление. Я жил в таком режиме двадцать четыре часа семь дней в неделю.

У меня почти не было времени заниматься воспитанием детей. Однажды уже поздней ночью я вошел в комнату сына и был шокирован тем, насколько он повзрослел. Я спросил жену:

- Когда этот парень успел вырасти?

И она ответила мне:

- Набиль, ты живешь в кабинете уже шесть лет. Как ты думаешь? Он будет ждать тебя?

На следующий же день я пошел к Министру и сказал ему:

- Министр, я хочу уехать в следующем году.

Он был удивлен.

- Что случилось?
- Ничего. Просто для меня важно сохранять баланс между работой и семьей.

Как бы то ни было, через год после этого разговора он вызвал меня и сказал:

- Набиль, я могу назначить вас только Послом в Японии, но вы ничего не знаете об этой стране. Вы хотели бы туда поехать?

И я ответил:

- Да. Я привык учиться и это был бы очень полезный опыт.

«Огромный мир, о котором я ничего не знаю» – о жизни в Японии в качестве Посла

В первый день нахождения в Японии я был взволнован, но мне было все интересно. Я сказал своему водителю, что поеду в центр и погуляю один. Он сказал:

- Вы не можете пойти без сопровождения, так как не знаете языка. Конечно, вы можете выйти, но я все равно пойду с вами.

Итак, я приехал в густонаселенный район Токио, огляделся вокруг, и понял, что выделяюсь из толпы.

В первый же день я увидел, что за пределами моей повседневности существует огромный мир, о котором я ничего не знаю. Будучи ребенком и юношей, я смотрел на Запад или Ближний Восток, но Азия никогда не была в сфере моего внимания. Тот самый первый день в Японии, где я в общей сложности провел два года, стал для меня потрясающим опытом, который изменил мое отношение к глобализации.

Я старался узнать как можно больше. Моя командировка была удивительным, но очень сложным испытанием. Культура была совершенно другой и не похожей на то, что я видел раньше. Для меня это было время профессиональной и культурной адаптации. Я очень ценю опыт, который я приобрел, живя в Японии.

Ирония судьбы

Если бы я не поехал в Японию, я бы не стал Послом в США. В последние три месяца моего пребывания в Японии я уже готовился к новой командировке в Постпредство Египта при международных организациях в Женеве. Но в это время Президент Египта Хусни Мубарак посетил Японию с официальным визитом. Его поездка прошла замечательно, и стала залогом моей успешной карьеры в дальнейшем.

Президент задавал много вопросов о Японии, об Америке, о мире, о Египте, и я давал ему конкретные ответы. Ничего не сказав, он уехал. Неделью спустя я получил сообщение из Каира, в котором говорилось: «Отложите свою поездку в Женеву. Оставайтесь на месте».

Это было забавно, потому что я ответил:

- Я уже попрощался с Императором, и после этого, я не могу ни с кем больше встречаться. Что мне делать?

Мне ответили:

- Просто оставайтесь на месте.

Я остался. Три с половиной месяца спустя, я получил уведомление:

- Вам изменили направление: теперь Вы едете Посолом в Вашингтон.

Такое решение было принято во многом благодаря моему общению с Хусни Мубараком во время его визита в Японию. Конечно, я знал Президента и раньше, но он, казалось, испытывал меня на прочность на протяжении всего его визита. Перед тем, как я отправился в Вашингтон, меня попросили съездить в Каир, чтобы встретиться с ним. В разговоре

Президент отметил, что именно он стал тем человек, кто повлиял на мое назначение Послом Египта в США.

Президент Хусни Мубарак с Набилем Фахми перед его назначением в качестве Посла Египта в Вашингтоне. Каир, 1999

Посол Египта в Вашингтоне

Как дипломат, я был в США и раньше [**прим. ред.** – до назначения Послом]. Я был на церемонии в Белом доме, когда подписывались Соглашения «Осло». Представители Египта были приглашены – Министр иностранных дел, и я, как его советник по политическим вопросам.

Мое начало в Вашингтоне в качестве Посла началось не слишком радужно. Вскоре после моего прибытия рейс 990 авиакомпании EgyptAir потерпел крушение, в результате которого погибло более 200 человек. Это было всего через двенадцать дней после моего приезда, так что у меня произошло настоящее крещение огнем. А затем, в течение года, произошли события 11 сентября 2001 г., когда каждый мусульманин или араб считался террористом. Так что это был довольно сложный период.

Я бы также упомянул, что Египет был категорически против вторжения США в Ирак в 2003 г., и были моменты напряженности между администрацией Джорджа Буша-младшего и администрацией Египта, возглавляемой Президентом Мубараком.

Но когда я заканчивал свою командировку в Вашингтоне, в наше посольство позвонили из Белого дома и сказали, что Президент Буш узнал о готовящемся отъезде Посла Фахми, и он хотел бы попрощаться со мной. Хотя Президент обычно не прощается с Послами, по крайней мере, из таких стран, как моя. Во всяком случае, когда я пришел к нему в Белый дом, он сразу же принял меня со словами:

- Я хочу попрощаться с вами, потому что вы всегда были предельно искренни в своих словах. И независимо от того, согласны вы с нами или нет, мы всегда понимали то, что вы хотели сказать.

Я часто спорил с американцами, но они открытые люди: вы можете не согласиться, ваши мнения могут быть кардинально разными, но при этом вы можете спокойно перейти от проблемных точек к другим темам.

Террористические акты 11 сентября 2001 года

Телевизор в моем кабинете всегда был включен на беззвучном режиме. 11 сентября 2001 г. я вошел в свой кабинет и увидел, как самолет врывается в Башни-близнецы. Моей первой реакцией было: «Что это за фантастический кровавый и бездарный голливудский фильм?». А потом я включил звук, и понял, что это был второй самолет, врезавшийся в башню. Я стоял в пробке, когда первый самолет врезался в башню. Я попытался позвонить в Белый дом, но линия была занята.

Президент Мубарак позвонил мне из Каира. Он был встревожен и спросил, что происходит, но я и сам ничего не понимал. Вокруг царил хаос.

Сверхдержава оказалась уязвимой – США не подвергались нападениям на свою территорию со времен Перл-Харбора. Их атаковали посреди белого дня, в Нью-Йорке и Вашингтоне [**прим. ред.** – один из самолетов был направлен террористами в здание Пентагона].

В течение последующих нескольких часов я пытался понять, как мы можем помочь пострадавшим? Как нам стоит общаться с американскими друзьями? Что я должен сказать Каиру, когда даже в Вашингтоне никто не понимает, что происходит? Такая атмосфера угнетала меня. Американцы смогли относительно быстро начать реагировать на происходящее. Уже через 48 часов они снова общались с иностранцами, такими же, как я, и разъясняли, что произошло.

Несмотря на сильный удар, которому подверглась Америка, нужно было найти виновных. И виновными стали считать всех арабов и мусульман, особенно мужского пола – кто-то вроде меня, живущего в США; и даже несмотря на то, что я был Послом.

Я чувствовал, что американцы смотрят на меня с чувством подозрения. Их взгляды были другими, не такими, как еще неделю назад. Буквально каждую неделю по два-четыре раза я ездил по всей Америке и выступал с публичными заявлениями, пытаюсь объяснить, что мы выступаем против терроризма, поддерживаем борьбу с преступниками и тому подобное, однако ситуация не должна переходить в идеологическую религиозную войну. Бывали случаи, когда после выступления зрители подходили ко мне и благодарили за разъяснения.

События 11 сентября 2001 г. изменили политическое мышление американцев. Их взгляд на Ближний Восток стал формироваться через призму борьбы с терроризмом, а не геополитики. Потребовалось время, чтобы восстановить баланс.

Охота на ведьм

Я много путешествовал, выступая с речами, и меня обыскивали: в каждом аэропорту, в каждом самолете, иногда не по разу просто потому, что я был арабом-мусульманином, предпочитавшим сидеть в передней части самолета.

Я не хотел жаловаться, потому что их действия были обусловлены эмоциями, а не чем-то рациональным. Многие люди, которые обыскивали меня, не знали, кто я такой.

В какой-то момент, когда это продолжалось слишком долго и нас продолжали тщательно обыскивать спустя через три, четыре, пять месяцев после терактов, хотя мы были Послами, я не стерпел. Я позвонил местным чиновникам в Каир и сказал им:

- Когда в следующий раз в Каир придет очередной американский дипломат, выведите его из очереди, общите его и его сумки, попутно объясняя, что без обыска и без действующей визы он не пройдет дальше.

Они уточнили:

- Набиль, вы уверены, что хотите это сделать?

Я ответил:

- Да, я хочу, чтобы они поняли, что, хотя мы и терпим, подобная сегрегация неприемлема.

Когда американские госслужащие, приехавшие в Египет, испытали все эти меры на себе, они все поняли. Некоторые из них даже позвонили мне и сказали: «Спасибо вам за это. Таким образом наше государство поймет, что такое взаимность».

Я хотел закончить свою дипломатическую карьеру после Вашингтона

Моя работа в Вашингтоне подходила к концу, и я чувствовал себя полностью реализовавшимся как дипломат. Я вернулся в Каир, и должность Министра иностранных дел не особо привлекала меня. Еще с юности на примере моего отца я понимал, насколько это тяжелая ноша. Поэтому, я пошел к Министру и сказал:

- Я хочу уйти. Наберите мне, если я понадобится.

Я хотел более размеренную работу. На протяжении целого месяца ректор Американского университета в Каире продолжал звонить мне снова и снова с просьбой приехать и создать Школу международных отношений и государственной политики на базе университета.

Но я ничего не знал о науке. Им потребовалось девять месяцев переговоров, чтобы изменить мое мнение и получить согласие. Я сделал это только из страха перед женой, которая сказала:

- Набиль, скажи уже «да» или «нет» и перестань сводить людей с ума.

Я ответил ей: «Хорошо, я буду серьезен», и я согласился. Я ни капли не жалею о своем решении, потому что, несмотря на то, что наука в корне отличается от реальной политики, я смог взглянуть на фундаментальные вещи, которые обычно скрыты за глобальными проблемами.

Я перестал быть практиком, но оставался человеком с тридцатилетним опытом работы. Я постоянно участвовал в работе аналитических центров и выступал на конференциях.

Несколько лет спустя, одновременно с работой в науке, я основал собственную консалтинговую компанию. Но мне предложили вернуться на госслужбу и стать Министром иностранных дел.

Мой путь к должности Министра иностранных дел

Когда я начинал свою карьеру дипломата – и подумывал о том, чтобы перейти в частный сектор, – мой отец сказал: «Уходи в бизнес. Там ты будешь работать на себя, а на госслужбе – во имя общего блага. Там никого не будут волновать твои желания. Ты должен

будешь служить интересам людей, иногда даже в ущерб самому себе». На государственной службе ваше мнение не имеет никакого значения. Наверное, именно поэтому никогда не хотел нести это бремя.

Меня трижды просили стать Министром иностранных дел, прежде чем я согласился. Каждый раз я отвергал предложения. В конце концов, с четвертого раза, я согласился, потому что мне сказали: «Мы пережили две революции за два с половиной года, страна в упадке, нам нужна помощь». Я согласился из чувства ответственности.

Помимо проблем внутри государства, регион [**прим. ред.** – Ближнего Востока и Северной Африки] в целом был нестабилен. За два с половиной года в Египте произошли две революции, мы столкнулись с проявлением терроризма, давлением Запада, экономическими трудностями и, конечно, со многими проблемами на международной арене, в том числе прямо вокруг наших границ.

В общем, согласиться стать Министром было трудным решением. Два часа я сидел на диване в своей гостиной, размышляя:

- Если я соглашусь, мне будет нужно привести Египет к *этой* точке за промежуточный период, который составит восемнадцать месяцев.

Когда я встретился с Премьер-министром, который выдвинул мою кандидатуру в качестве Министра иностранных дел, я спросил его:

- Какую внешнюю политику вы собираетесь проводить?
- Вы эксперт. Вы и скажите, что нам нужно делать.

Я ответил:

- Хорошо, вот что нам нужно, – я изложил ему свой план, – если вы это одобрите, я его реализую.

И он принял мои идеи с благодарностью. Но должность Министра иностранных дел была поистине сложной. Она не была сказкой, потому что Египет столкнулся с серьезными проблемами, которые нужно было решать.

Какими бы большими ни были давление и ответственность, я точно знал, что должен делать, поэтому не испытывал особых трудностей. Я будто работал на автомате, всё было запрограммировано у меня в голове.

Я часто шучу – и это на самом деле правда – что будни министров страшнее их ночных кошмаров. Так или иначе, министры спят по три-четыре часа в сутки, а затем просыпаются, и их кошмары тут же исчезают. Когда ты сталкиваешься с проблемами в жизни, тебе от них не деться.

Мне приходилось иметь дело с нестабильной ситуацией в Египте, с Ливией, где шла гражданская война, с кризисами в Судане, Эфиопии и Ираке, с отсутствием мира между палестинцами и израильтянами, с гражданской войной в Сирии и ситуацией в Персидском заливе...

Мы оказались в серьезном кризисе. Я жил и работал на адреналине, благодаря чему у меня была мотивация довести дело до конца. Я старался и получал от этого удовольствие. Согласившись занять эту должность, я закончил работу в течение года и ушёл.

Работа в академической сфере

Проблема некоторых ученых в том, что они продолжают рассуждать о том, что могло бы быть, что должно было быть или что было бы, но практически всегда остаются оторванными

от реальной ситуации, ведь они не являются практиками.

Сейчас я наслаждаюсь своим положением больше, чем когда был на госслужбе или в научной среде, потому что имею опыт работы в обеих сферах и могу его использовать. Когда я выступаю на конференциях, я всегда говорю с точки зрения практика, но имеющего также академическое прошлое.

Лучший город для жизни

Я городской человек. Уровень моей жизни в Токио, вероятно, был наиболее высоким. Однако это было не совсем то, что мне нравилось, учитывая мой непринужденный и неформальный стиль жизни. Мне нравятся большие города. Я живу в Каире, люблю шум и гам, суету, сигналижающие машины и толпы людей на улице.

Например, Нью-Йорк мне нравится больше, чем Вашингтон, хотя моя жизнь в Вашингтоне в качестве посла была намного лучше, чем когда я работал в Нью-Йорке в молодости. Женева, вероятно, была самым живописным городом из всех мест, где я бывал, но там я чувствовал себя иностранцем больше, чем обычно.

Абдул Фатах Ас-Сиси (в то время – Министр обороны Египта) и Набиль Фахми на переговорах формата 2+2. Москва, 2014

Абдул Фатах Ас-Сиси (в то время – Министр обороны Египта), Набиль Фахми и Сергей Лавров на переговорах формата 2+2. Москва, 2014

В Вирджинии, на родине сестры Джона Кеннеди (справа на фото). Также на фото: Мухаммед Али и Набиль Фахми со своей женой. США, 2002

Набиль Фахми на дипломатической приеме, организованном Баракком и Мишель Обамой на полях Генеральной Ассамблеи ООН. Нью-Йорк, 2013

Совет для молодежи

Во-первых, извлекайте уроки из истории, но смотрите вперед. Вы не должны останавливаться, оглядываясь назад, но вам необходимо думать о том, как двигаться вперед, как написать собственную историю.

Во-вторых, слушайте и наблюдайте. Исходя из моего опыта, я прислушивался к тому, что говорили и чего не говорили мои оппоненты. Я наблюдал, как они говорят, чтобы понять, что происходит у них в голове. Я всегда готовился к встречам, зная, что на самом деле нужно моим визави. Когда они решали что-то преуменьшить или преувеличить, я делал из этого выводы. Я всегда знал, что хочу сказать, а моё внимание было сосредоточено на том, что собирался ответить мой собеседник.

В-третьих, сохраняйте фокус на том, что вам нужно, а не на том, чего вы хотите. Другими словами, ваш собеседник может привести отличный аргумент или совершить очень большую ошибку, которая может дать вам возможность получить гораздо больше, чем вам нужно. И я предостерегаю вас от того, чтобы поддаваться чьим-либо мыслям только потому, что они превосходны, если это не в ваших интересах.

Я бы сказал, что международные отношения – это в первую очередь взаимоотношения. Они не являются сделкой или игрой с нулевой суммой. Я всегда хочу сосредоточиться на том, что мне нужно, и понимать, что нужно моему партнеру. Разрушать отношения – не в моих интересах. Я хочу получить преимущество, но если это игра с нулевой суммой, то в долгосрочной перспективе ничего хорошего из этого не выйдет.

Интервью: Святослав Аров

Редактура: Максим Сорокин